УДК 316.34/.35 3316.34/.3516.34/.35
ББК 60.54

Н.А. Басова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИТИКИ ДЕТСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

N.A. Basova
Methodological Bases of Childhood Analytics: Socio-Philosophical Reflection

Socio-philosophical reflection of childhood analytics methodological bases is presented in the context of the conflict between school and life, fathers and children, nature and civilization, genders, disease and health.

Key words and word-combinations: social philosophy, genealogy of psychoanalysis, childhood.

Социально-философская рефлексия методологических оснований аналитики детства представлена в контексте рассмотрения конфликтов школы и жизни, «отцов» и «детей», природы и цивилизации, полов, болезни и здоровья.

Ключевые слова и словосочетания: социальная философия, генеалогия психоанализа, детство.

Аналитика детства в социально-философском аспекте в широком смысле решает задачу объяснения социального бытия детства с целью поисков прогностических решений материального и духовного изменения отношения общества к детству. Детство – часть социального бытия. Детство – сущее и полнота, раскрывающая свою целостность в контексте социально-философского осмысления, в котором детство предстает особой социальной общностью, устойчивой формой организации социальной жизни, обеспечивающей стабильность связей и отношений в рамках общества.

В контексте социально-философского осмысления феномена детства последнее репрезентирует два аспекта своего социального проявления – детство и молодость. Аспект молодости возникает довольно часто во взаимоотношении поколений – «отцов» и «детей». В этом случае под детством понимается молодое, но уже взрослое поколение – молодежь. И детство проявляет себя как особая социальная группа, возрастные рамки которой – это переход от детства и юности к становлению социальной и психофизиологической зрелости и адаптации к исполнению социальных ролей взрослых.

В различные эпохи период становления социальной и психофизиологической зрелости имеет свои границы, которые расширяются в процессе развития нашей цивилиза-

ции [1, с. 244–261]. Молодежь времен составителя толкового словаря В.И. Даля – это «…молодые люди обоего пола, но более мужчины», а младенец – «… дитя до семи лет…» [2, с. 322]. В настоящее время младенческий возраст составляет время от рождения до одного года, а к молодежи принято причислять людей в возрасте примерно от 14 до 30 лет [3, с. 78]. Детство оказывается в эпицентре проблематики инфантилизации общества, но востребованная сегодня социальная ценность молодости значит не то же самое, что и социальная ценность детства. Принято считать, что чувствовать себя молодым, взрослым, зрелым или старым – это полноценно, и лишь в детство «впадают», что означает состояние душевного заболевания.

В свете взаимоотношений поколений молодежь представляет собой наиболее рискогенную социальную общность. Подобная молодежь представлена в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»: детство радикально и деятельно – это «страстное, грешное, бунтующее сердце» [4, с. 201], которое так необходимо жизни и которому так сложно выжить. Социальная активность «детства – молодости» всегда актуализирована в эпохи перемен, и как будто сами перемены вызваны ее активностью. Любая цивилизация всегда стремится создать социальный институт, позволяющий возглавить и направить в нужное ей русло этот юный буйный поток детства.

Детство другого аспекта рассмотрения еще так молодо, что не способно противостоять старшему поколению, а лишь нуждается в его защите и любви. Таким предстает детство в романах Ф.М. Достоевского: «Дети – странный народ, они снятся и мерещатся» [5, с. 717]. Они всегда рядом, пребывая по другую сторону сознания. Детство беззащитно и угнетаемо суровыми жизненными условиями, как образ «мальчика с ручкой» [5, с. 717], просящего милостыню.

В социально-философском осмыслении это «раннее детство», в отличие от «детства – молодости», охватывает возрастные периоды от пренатального (до рождения) и младенческого до подросткового возраста (примерно до 14 лет). В контексте социально-философского рассмотрения как социальный институт данный вид детства представлен наименее ясно. Не существует каких-либо примеров влияния раннего детства на социальные процессы или его противостояния другим возрастным группам. В общепринятой иерархической картине социума раннее детство всегда занимало самую низшую ступень на социальной лестнице.

В свете социально-философского осмысления пренатального периода как нижней возрастной границы раннего детства последнее предстает «началом», исходной человеческой полнотой и сущностью, объединяющей детство и женщину. Но связь женщины и ребенка представлена не только в аспекте материнства; женщина и ребенок – это биосоциальная связь, имеющая множественные социально-психологические репрезентации. Так, А. Шопенгауэр в этических взглядах «О женщинах», обращаясь к словам Байрона: «Начало человеческой жизни возникает на груди женщины» [6, с. 20], – отмечает, что женщины изначально приспособлены «…к пестованию и воспитанию нашего первого детства…» [6, с. 20–21]. В его суждениях женщины и дети имеют общую природу: женщины «…сами ребячливы, вздорны и близоруки, одним словом, всю жизнь представляют из себя больших детей: род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек» [6, с. 21].

Античности статус детства находится около или даже ниже статуса женщины. Ребенок в античном представлении – это еще не человек, а только его возможность [7, с. 156]. Во всей системе воспитания и образования укрепляется «отказ» от детства, так как цель гуманизма – это человек, а ребенку необходимо помочь преодолеть себя, чтобы стать человеком. Раннее детство – это всегда что-то неполноценное, что еще не является полноправным участником общности людей. Детство не проходит идентификацию, обеспечивающую единство индивидуального и персонального, и остается «другим» по отношению к миру взрослых.

Аналитика детства в социально-философском аспекте выходит за рамки социальной философии возраста. Детство исследуется как самобытная социальная общность, значение которой раскрывается для общества, определяется ее социальная ценность и угроза. Социально-философскому осмыслению подвергается содержание всецелого переживания детства как взрослого человека с его воспоминаниями о детстве, так и ребенка, сохранившегося во взрослом и продолжающего переживать свое детство.

Исходной точкой социально-философской аналитики детства является экзистенциальный вопрос «Кто Я?». Этот вопрос вечного осознания себя и поиска себя окончательно формируется и наиболее отчетливо звучит в контексте философской мысли конца XIX – начала XX в.; он становится важнейшим инструментом развития личности в психоаналитической философии постклассического периода и социальной философии настоящего времени. Философские течения как сциентистского, так и антистиентистского направления, акцентирующие внимание на уникальности бытия человека, обращающиеся к его психологии и психологической ситуации, глубине эмоционального и духовного мира, к проблемам детства человека, образуют аналитический фундамент социальной философии детства.

Французский философ-экзистенциалист Ж.П. Сартр отводит центральное место в своей философии понятиям «свобода» и «отчуждение». Свобода предшествует сущности человека, отчуждение складывается в результате подчинения человека социальным институтам и, как следствие, стандартам. В новелле Ж.П. Сартра «Детство хозяина» [8] представлена трагическая метаморфоза детства: «детство хозяина» – дитя в костюме ангела перевоплощается в «хозяина детства» – мужчину-хозяина и отчужденного от своего истинного бытия нового члена общества. Главный герой новеллы Ж.П. Сартра Люсьен постоянно обращается к вопросу «Кто Я?», находя часто подтверждения тому, что он вообще не существует до той поры пока однажды ему удается преодолеть собственные вкусы, привычки и настроения, а его глаза будто сливаются с глазами других. Люсьен приходит к выводу о том, что настоящего себя следует искать в глазах других – как в робком послушании детей, этих полных надежд и кротости существ, молоденьких учеников, взрослеющих для него, их хозяина [8, с. 196–197].

В контексте осмысления философской проблематики детства раздвоение «свобода и отчуждение» Ж.П. Сартра перекликается с «быть и казаться» Н.И. Пирогова, который обращает внимание на то, что юноша еще не способен ясно различать два свойства своего Я – быть и казаться. Только со временем «…на

одной сцене жизни – он скоро научится лучше казаться, чем быть» [9, с. 93]. Пирогов обращается к детству, как к специфической сфере бытия и считает, что необходимо основывать воспитание на законах девственно-фантастического мира дитяти [9, с. 97]. В этом мире природа, окружающая ребенка – это «…калейдоскоп в беспрестанном вращении, через который дитя смотрит на все окружающее» [9, с. 96].

Взаимодействие детства как подлинной части социального бытия и как социального института раскрывается в обращении генеалогии к детству как к началу человека и человечества. Генеалогия детства раскрывает множественность его «первоистоков»; складывается определенная «генеалогическая карта» детства, благодаря которой выявляются современные социально-философские тенденции трансформации детства. В философской генеалогии это карта социально-философских событий детства и вечно повторяющихся сюжетов, предстающих в качестве архетипов в аналитической психологии К.Г. Юнга.

В суждении К.Г. Юнга, психология – молодая наука, осуществляющая прорыв в душевное содержание сквозь религиозные формулы – самые прекрасные и всеохватывающие образы. «Родоплеменные учения священно опасны» [10, с. 100]; они пытаются уловить невидимые душевные события и претендуют на высший авторитет. В них тайны души выражены величественными образами, и, чем грандиознее передаваемый образ, тем он дальше от индивидуального опыта. Психология извлекает из мифов непосредственный опыт.

В настоящее время психоанализ как социально-философское течение в генеалогическом аспекте рассмотрения представляет собой квинтэссенцию аналитики детства. Психоанализ – это и философский инструмент, рожденный новым осмыслением человека, обращенный к его детству, и детство науки: его методы обращены к «другому» сознания и науки, наполнены интерпретацией архаических образов и символов, чувствами и мифами. Психоанализ, исследующий природу амбивалентного, репрезентирующий свой стиль мышления, в генеалогическом аспекте рассмотрения и сам раскрывает свою амбивалентность: он и юное дитя науки и ее праотец.

Генеалогия психоанализа обращена к ключевому событию его социально-философского становления – вытеснению в сферу бессознательного детства и материнства. Рассматриваемое генеалогическое событие разворачивается в свете зарождения специфического социального пространства, которому и сейчас всецело принадлежит детство – речь идет о возникновении школы в период Древней Греции. Все во взаимоотношениях древних – политика, риторика, дидактика – было направлено на воспитание и образование [7, с. 151]. Это время зарождения разума в особой культуре античного мира, наполненной живыми архетипическими сюжетами.

Жизненная модель рождения разума отображается в мифе о рождении Афины Паллады – могучей дочери Зевса, и это же событие заключает в себе структуру социального поворота в судьбе детства и материнства. Детство и материнство довольно часто представляют центральное содержание античного мифа. Например, в случае мифологических событий, предшествующих появлению Зевса, когда отец Зевса – Крон – повелел своей жене Рее приносить ему

рождавшихся детей, для того чтобы он проглатывал их [11, с. 9]. Или когда детство зарождается в эпицентре конфликтов богов и богинь, как в случае с рождением Диониса [11, с. 71–72]. Мифологический ребенок видоизменяется от слабого существа, требующего защиты, до всесильного героя.

По мнению А.Ф. Лосева, ядром мифа о рождении Афины является обширный комплекс исторических эпох: этот миф отображает период от дикого матриархата до эстетики поздней греческой цивилизации: «Здесь мы увидим остатки фетишизма и каннибализма, предшествующие развитому патриархату, и свидетельство о патриархате, т. е. о примате мужского индивидуума над женским, и символику мудрости верховного божества, и, наконец, гротеск позднейших времен свободомыслия на границе развала общинно-родовой формации и начального периода греческой классики» [12, с. 24].

Афина Паллада – богиня мудрости, знания, непобедимая воительница, а так же богиня искусств и ремесел, покровительница городов и государств. Это одна из наиболее почитаемых фигур античной культуры, единственная богиня, использующая мужские атрибуты – доспехи и копья [12, с. 36].

Существенным фактом данной мифологической модели рождения разума является то, что изначально богиней мудрости была океанида, первая жена Зевса и мать Афины – Метис (Метида – «мысль, премудрость»). Очевидно, что это была другая мудрость, обладающая текучестью океаниды, отличная от мудрости Афины: океан передает символ всеобщей жизни как противоположность частичной, тогда как мудрость Афины отчетливо предстает в связи с появлением знания.

Упоминание о Метис (Метиде) появляется в «Теогонии Иеронима и Гелланика»: вначале появился Хронос, из него – Эфир, Хаос и Мировое Яйцо. Из Яйца появляется первый и самый могущественный бог – Фанет, или Эрикепай, или Метис (Метида). Это получеловечек и полуживотное [12, с. 683]. В другом эпизоде Метида-океанида рождается от Океана и Тефии [12, с. 780]. Выросший Зевс взял себе Метиду в соучастницы, она помогла ему одолеть Крона и освободить проглоченных им детей [12, с. 822]. А.Ф. Лосев пишет, что в изложении Орфея свет, который осветил землю и все живое, пребывающее во мраке, предстает как триада или единая потенция – сила единого бога – это Метис, Фанет, Эрикепай, интерпретируемые как «совет», «свет» и «жизнеподатель»; вместе это природа, или идея, которую никто не может познать. Именно из этого триединого божественного образования-потенции произошло все: солнце, луна, земля, облака, звезды, бестелесные начала и все видимое и невидимое [12, с. 722–723].

В мифе о рождении Афины Зевс проглотил богиню мудрости Метис, чтобы избежать рождения своего преемника, и в этом акте отображено еще одно важное социально-философское событие детства – детство, несущее угрозу власти отца, и вместе с тем детство, становящееся жертвой власти отца.

Афина, новая богиня мудрости и богиня знания, рождается из головы Зевса и предстает в полном вооружении: «…в блестящем шлеме, с копьем и щитом… перед изумленными очами богов олимпийцев» [11, с. 36]. В контексте социально-философского осмысления детства важной особенностью рождения Афи-

ны является то, что она появляется на свет, минуя стадию детского развития. Можно предположить, что этот мифологический сюжет является ведущим социально-философским «мотивом» детства: место детства рядом с безбрежным разумом матери-океаниды; детство и родящая мать надежно хранится по воле Зевса в его голове.

Основой социально-философской системы принципов и способов организации аналитики детства стал генеалогический метод, связанный с событийным пластом и экзистенциальным опытом. В генеалогическом подходе исследования детства последнее репрезентирует свою «родословную»; определяется род, семьи и поколения детства. Обращаясь к событиям прошлого, минуя историзм, философская генеалогия рассматривает в этих событиях соотношения: детства и чувств, детства и морали (совести, нравственности), детства и институтов, детства и пола.

В генеалогическом аспекте психоанализ события, указанных взаимоотношений детства разворачивается в эпоху, которая, по словам Н. Бердяева, разоблачает жизнь пола: психоанализ исследует человека, разлагая его на части, но человек по-прежнему скрывает любовь сексуальную, в то время как не стыдится любви-жалости [13, с. 199]. Н. Элиас исследует роль цивилизации в формировании и развитии чувства стыда, связанного с сексуальными отношениями. По его мнению, в цивилизационном процессе изменились как отношения между полами, так и само восприятие обществом сексуальных отношений, а также стандарты чувства стыда. Сексуальная жизнь стала более скрытой, что привело к увеличению психической дистанции между взрослыми и детьми [1, с. 244–261].

Фундаментальное социально-философское понимание феномена детства возникает в области пересечения вопросов воспитания и здоровья человека. Социально-философская рефлексия детства обращена к проблематике здоровья как отдельного индивида, так и общества в целом. Идеи гуманистического воспитания Н.И. Пирогова, зародившиеся в результате социальной диагностики российского общества, составляют основу воспитательно-образовательных решений, направленных на оздоровление общества. Так же, как и психоаналитическая парадигма образования, педагогическая мысль Н.И. Пирогова сочетает педагогику и медицину, обращаясь к вопросам существования естества детства в условиях социальных норм и требований. Так, Н.И. Пирогов, описывая сторону воспитания, доступную только врачам, обращает внимание на «пороки чувственности» [9, с. 198], которые вносят в закрытые учебные заведения извне ученики домашнего воспитания.

В трудах Н.И. Пирогова предстает образ врача-педагога как предвестие появления позже, в русле психоаналитической парадигмы образования, психоаналитика. В педагогическом учении Н.И. Пирогова твердо обозначается область разрыва общества и детства – это противопоставление жизни школе и школы жизни: воспитание и обучение идут сами по себе, а жизнь – сама по себе [9, с. 198]. Пирогов обращает внимание на положение женщины после обучения: она «…скрывается в семейном кругу; ее деятельность, а следовательно, и результаты учения остаются неизвестными…» [9, с. 192]. Призыв Пирогова «… восстановить смысл и права школы, проистекающие из самой жизни» [9, с. 202], обращен к «мужскому обществу» – отцам, обществу и государству.

Методологические основания аналитики детства в свете социально-философской рефлексии репрезентируют разрыв между школой и жизнью как источник конфликтов – отцов и детей, взаимоотношений полов, природы и цивилизации, жизни и смерти, болезни и здоровья. В данных конфликтах феномен детства предстает в образе «ребенка», вытесненного обществом, которое само заключено в этом «ребенке». Особенность социальной природы детства заключается в единстве и многообразии характеристик ребенка как первичной целостности органического и социального с удостоверением в то же время их нетождественности. Детство – природный феномен и исток человеческого социального бытия. Социально-философское содержание феномена детства репрезентировано в поле противостояния власти и дискриминации, а сама социально-философская рефлексия детства выступает как процесс обретения детством средства быть.

Библиографический список

1. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л.В. Беловинского. М., 2004.

3. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2005.

4. *Тургенев И.С.* Отцы и дети. Челябинск, 1969.

5. *Достоевский Ф.М.* Петербургские повести и рассказы / сост. Л.А. Плотникова. Ленинград, 1973.

6. *Шопенгауэр А.* Мысли. СПб., 2008.

7. *Ломако О.М.* Генеалогия воспитания: Философско-педагогическая антропология. СПб., 2003.

8. *Сартр Ж.П.* Стена. СПб., 2004.

9. *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения / сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенюк. М., 1985.

10. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.

11. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. М., 2009.

12. *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. М., 1996.

13. *Бердяев Н.А.* Эрос и личность: философия пола и любви. СПб., 2007.